

как главные потери понесли союзники — племенное ополчение северян, княжеская же дружина — русская или касожская — осталась цела.

М. А. Тиханова в своей работе «Культура западных областей Украины в первые века нашей эры» дает обстоятельную сводку работ по изучению культуры полей погребений и соответствующих им поселений — так называемой липицкой культуры, полей погребений с трупосожжениями и трупположениями I—II вв. н. э. и современных ей селищ — Незвишка, Залесцы, Новоселка Костюкова, Голиграды. В поселениях открыты жилища двух типов — четырехугольные землянки и наземные жилища неправильной формы. В более поздний период, IV—V вв., обряд погребения становится единообразен (трупположение). Для этой стадии характерен могильник Романово село и современные ему поселения — Максимовка, Хрыцовцы, Лепесовка, Тропищево и др. Это уже настоящие деревни со многими жилыми домами. Здесь встречаются и печи для обжига гончарных изделий. Реконструкция «кульеvidного сооружения» из Лепевки (стр. 262—263), однако, не дает возможности определить его как гончарную печь (как делает это автор). Характер перекрытия, отделяющего верхнюю камеру от нижней, говорит против такого определения. Анализируя далее характер культуры, М. А. Тиханова приходит к выводу, что рассматриваемые ею памятники принадлежат сседлому сельскому населению, занимавшемуся земледелием и скотоводством, среди которого уже выделились ремесленники (кузнецы, гончары) и далеко зашла социальная дифференциация (богатые и бедные погребения). «С точки зрения процесса этногонии население западных областей Украины в первые века нашей эры представляло собой ряд локальных групп, среди которых только в III—IV вв. складываются определенные этнические массивы с более единообразной культурной и языковой общностью, оформленные впоследствии как югозападная группа восточнославянских племен» (стр. 271). Сопоставляя эти выводы, сделанные на археологическом материале, с известиями древних авторов, М. А. Тиханова считает возможным связать с рассматриваемой ею территорией племенной союз бастарнов, в который входили костобоки и бессы (отсюда название «Бессарабия») — старое местное население. Бастарны — это не древнегерманское племя, а выделившаяся из местного населения племенная знати. Переселение народов, особенно германских племен, не могло оказать существенного влияния на культуру и этническое лицо местного населения, так как это не было движение вполне сложившихся племенных образований. В тесной связи с этим вопросом стоит вопрос о вандалах. Приписываемые зарубажным ученым вандалам могильники М. А. Тиханова определяет как погребения местной племенной знати. Рунические надписи не содержат вандалских имен. В заключение работы М. А. Тиханова подчеркивает, что местное население формировалось не изолированно, но в тесной связи со своими соседями и, прежде всего, с населением Дакии. Появление дружин завоевателей не наложило на него существенного отпечатка. В борьбе с варварами-кочевниками славянские племена сплачиваются и объединяются.

Сборник заключается работой Ф. Д. Гуревич «Збручский идол». Описав обстоятельства находки и самую статую, автор дает подробный обзор мнений предыдущих исследователей, одни из которых считали этот памятник славянским кумиром, другие — тюркской «каменной бабой». Рассмотрев детально территорию находки, автор отмечает, что кочевые народы, бывавшие здесь лишь короткое время, вряд ли могли создать такой сложный памятник. Сопоставление идола с рядом находок, безусловно славянских, и сравнение его деталей с куклами славянских божеств (главным образом Святовита в Арконе), а также анализ головного убора и оружия статуи приводят Ф. Д. Гуревич к выводу, что збручский идол — славянское божество IX—X вв. «Загадочность идола, — пишет она, — еще сохраняется. Семантика изображений, выбитых на нем, ждет еще своего исследователя» (стр. 287).

Рецензируемый сборник, содержащий значительный новый археологический материал и важные обобщения, представляет исключительный интерес для археологов, историков и этнографов. Мы изложили его содержание так подробно потому, что книга эта является библиографической редкостью, так как тираж ее не вышел, и в научный оборот поступили только сигнальные экземпляры. Следовало бы перепечатать ее, чтобы широкие круги советских и зарубежных ученых могли ею пользоваться.

М. Рабинович

ДВЕ СТАТЬИ О НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ЭПОХИ ОСВОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Vilém Pražák, *Lidová píseň o Lidicích*, «Český lid», ročník I, 1946, číslo 2, květen; číslo 3, červen.

Andrej Melicherčík, *Motívy odboja slovenského ľudu v ústnom poľaní*, «Národopisný zborník, Časopis Národopisného Odboru MS, ročník VI—VII (1945—1946), číslo 2—4, Vydáva Matica Slovenská v Turčianskom Sv. Martine.

В настоящей рецензии мы останавливаемся на разборе двух статей о современном чешском и словацком фольклоре. Первая написана известным чешским этнографом проф. Вилемом Пражаком и помещена в двух номерах нового журнала, принявшего

свое наименование от журнала *Český lid* (основанного некогда профессором Зибртом и Нидерле) и как бы продолжающего его традиции. Вторая статья помещена в словацком журнале *Národopisný Sborník* и принадлежит перу его редактора д-ра Андрея Мелихерчика. Начнем с рецензии статьи проф. В. Пражака.

10 июля 1942 г. чешское село Лидице было дотла сожжено и уничтожено германскими фашистами, все мужское население было расстреляно, женщины отправлены в концентрационный лагерь, дети уведены неизвестно куда. Чтобы самое имя этого героического села исчезло из памяти людей, оно германскими фашистами не отмечалось на географических картах, даже на картах, имеющих военное значение. Результаты, достигнутые фашистами, были прямо противоположны их намерению, — «трагедия Лидице стала трагедией чешского народа и потрясла весь мир». Народ по старой традиции выразил свое сочувствие героям Лидице в своих песнях. Автор рецензируемой статьи проф. В. Пражак решил собрать этнографический материал, дающий представление о жизни этого села до катастрофы 1942 г., и, в частности, изучить бытовавшую там народную песню. Результатами своего обследования села Лидице и его песенной культуры В. Пражак обещает поделиться в особой работе. В рецензируемой статье он останавливается на разборе трех песен о трагической судьбе этого села. Первую песню он услышал от девиц соседнего с Лидице села Гржебче. Содержание этой песни якобы отражает трагические события, разыгравшиеся в Лидице. Однако при проверке оказалось, что она дословно восходит к так называемой «крамаржской» или «ярмарочной» песне и изображает события XIX в. — в ней поется о чехах, павших оксело Градце Кралова во время войны 1866 г. Автором ее был Франтишек Гайсс. Здесь мы встречаемся, по заявлению проф. Пражака, с распространенным явлением: там, где быстро появляется потребность в песне, воспевашей то или иное событие, если новой песни еще не создано, народ заменяет ее подходящей старой песней. В. Пражак ставит вопрос, не могла ли эта «ярмарочная» песня попасть в народную среду из вышедших в свет перед войной изданий Милошлага Новотного или Бедржиха Вацлавека, опубликовавших старые «крамаржские» или «ярмарочные» песни, и отвечает отрицательно: старая песня о событиях 1866 г. передавалась из уст в уста и сохранилась в народной памяти до нашего времени. Проф. Пражак приходит к заключению, что эта старая песня нашла новое применение «в новой функции, как песня, поющая о гибели Лидице». Подобные факты «воскрешенья» старой песни в новом качестве не раз отмечались советскими фольклористами при изучении фольклора Великой Отечественной войны. В работе проф. Пражака ценным является точное определение пути проникновения старой песни в репертуар песен о новых событиях. Ввиду того, что эта песня в наше время исполняется почти без изменений с того времени, как она была создана, В. Пражак не считает ее фольклоризовавшейся. В этом он расходится с советскими фольклористами, считающими (главным образом на основании изучения фольклора Великой Отечественной войны), что в отдельных случаях и неизменная народом литературная песня может считаться фольклоризованной, если она получила широкое распространение, признана коллективом за народную и не связывается им с определенным автором.

Вторая песня о гибели Лидице, анализируемая проф. Пражаком, была создана через несколько дней после катастрофы рабочим-металлургом Кубела вместе с его женой. Поет он ее на мелодию песни «*Cestička k Majerovce*». Хотя эта песня и создана представителем народа, она не получила широкого распространения, а потому не считается Пражаком народной. По своему характеру песня приближается и к чисто народным, и к «ярмарочным». Автором третьей песни о Лидице является гармонист-чех, вернувшийся из концентрационного лагеря. Эта песня, по определению проф. Пражака, несет скорее характер репортажа.

Если прежние песни распространялись главным образом на посиделках и на свальбах, то нынешняя песня, как, например, созданная гармонистом о Лидице, распевалась им в сельской гостинице. «Создание песни о Лидице, — говорит В. Пражак, — опровергает мнение, что творческая сила народной поэзии онемела», и подтверждает жизнеспособность народного творчества. В заключение проф. Пражак отмечает, что песни создают не только крестьяне, но, как на это указывает песня рабочего Кубела, также и рабочие. Нужно признать недостатком чехословацкой этнографии, что она изучала только крестьянскую среду. Проф. Пражак призывает к изучению материальной и духовной культуры не только крестьян, но и рабочих. Собранный материал должен положить основу будущего «Музея рабочего».

Переходим к разбору статьи словацкого этнографа д-ра А. Мелихерчика. Тяжелые дни осени и зимы 1944—1945 г. оставили, по словам автора статьи, глубокие следы в душе и мыслях словацкого народа. Пережитые события начинают проявляться также и в словацком народном творчестве. Традиционный песенный и сказочный фольклорный материал начинает обогащаться новыми элементами. В народном словацком творчестве нашли свое отражение, с одной стороны, отвага и ловкость словацких партизан, с другой, — страдания словацкого народа, невыносимая жизнь под гнетом фашистов и, наконец, победа и освобождение от этого гнета. Автор статьи приводит песню словацких партизан «*Po krátkich dňoch Sloboďienki*», возникшую зимой 1944—1945 г. в горах у Доброче. Сложили ее словацкие партизаны на мелодию украинской партизанской песни. В настоящее время она распевается молодежью по всему району

Черного Балоба. Записана она от балогских девушек. К тексту песни приложены ноты ее мелодии. Приведенные сведения указывают, что эту песню следует признать фольклорной. Автор статьи вполне прав, ожидая от изучения созданного в наше время партизанского словацкого фольклора крупных результатов для решения ряда основных проблем, стоящих перед современной фольклористикой, как, например, вопроса о взаимоотношении индивидуального и коллективного творчества, вопроса о степени использования современным фольклором традиционного фольклора и т. д. В частности, полагает д-р Мелхерчик, изучение современного словацкого партизанского фольклора поможет осветить вопрос о возникновении фольклора о словацком народном герое Яношеке.

П. Богатырев

АПОЛОГИЯ РАСИЗМА В АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

(Школа «изучения современных общин»)

В последние 10—15 лет в этнографии, или, как ее называют американцы, социальной антропологии, США оформилось направление, которое поставило своей задачей «изучение современных общин». По словам главы этой школы Ллойда Варнера, для полного понимания современного общества, например, общины какого-либо американского города, необходимо применять такие же приемы исследования, какие до сих пор применялись относительно примитивных обществ. «Поставив изучение нашей цивилизации в рамки сравнительной социологии, мы сможем приобрести познание нашего собственного социального поведения, как биологи познают нашу физическую структуру, помещая ее в рамки сравнительной биологической науки»¹.

В одной из первых работ, изданных представителями нового направления, «Каста и класс в южном городе»², автор Дж. Доллард следующим образом сформулировал свою цель: «рассмотреть социальное положение как средство установления нормы свойств и склонностей белых и негров, как форму установления у них характера любви, преданности, ревности, почтения, покорности, кротости, смирения и страха»³. В своей полевой работе Доллард изучал «привилегии в области сексуальной жизни и престижа белых среднего класса, кастовые нормы воспитания, политики и религии, приспособленческие позиции негров, агрессию негров против белых и кастовую агрессию белых против негров, а также защитные верования белой касты»⁴.

Откровенность постановки тематики новой школы исключает какие бы то ни было сомнения в ее направленности. Шекспир, раскрывший в переживаниях черного Отелло общечеловеческую трагедию ревности, явно устарел с точки зрения этого модного течения. Его представители увидели бы в страданиях Отелло лишь особые «нормы характера любви и ревности», свойственные его расе. Что же касается такой туманно сформулированной категории, как «защитные верования белой касты», то, очевидно, именно они лежат в основе и поддерживают практику суда Линча и подобных ему человеконенавистнических институтов. Таким образом, новая школа в американской этнографии сразу определила свое направление: она явно стремится подчинить науку духу расовой дискриминации и зоологического расизма.

Однако в центре внимания нового направления стоят не только негры, но и белое население современных американских городов. Основным произведением Ллойда Варнера и его сподвижников является многотомная серия исследований, объектом которых избран город «Янки-Сити» в Новой Англии. Из шести томов, которые должны всесторонне осветить и обрисовать общину маленького американского городка, пока вышли из печати три. Первые два посвящены социальному положению населения «Янки-Сити». По словам авторов, их исследование, «обрисовывая деление на высший и низший классы», показывает, как «это население живет хорошо организованным образом»⁵. Надо отдать справедливость представителям новой школы — они не пожалели трудов. На каждого из 17 тысяч взрослых жителей города были составлены «карточки социальной личности» с нанесением на них данных опросных листов и отчетов с мест наблюдений. Местами наблюдений были фабрики, оптовые магазины, банки, а также «места проявлений массовой активности во время забастовок, митинги, связанные со снижением заработной платы и безработицей... Полицейское бюро с его потоком арестов, осуждений и оправданий находилось под должным надзором, и поведение полисменов и задерживаемых ими во время обходов бродяг также тщательно изучалось»⁶. Материалы наблюдений подвергались статистическому анализу.

¹ W. Lloyd Warner a. P. S. Lunt, The social life of a Modern Community, Yanky-City Series, v. I, New Haven, 1941, стр. 14—15. «Янки-Сити» — псевдоним маленького городка в Новой Англии — Ньюберпорта.

² J. Dollard, Caste and class in a Southern Town, New Haven, 1937, стр. 9.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же.

⁵ W. Lloyd Warner a. Paul S. Lunt, The Status System of a Modern Community, New Haven, 1943.

⁶ W. L. Warner a. P. S. Lunt, The Social life of a Modern Community, стр. 59.